

Андрей ПЕРМЯКОВ

ИСКУССТВО НЕВОЗМОЖНОГО

Наталья Черных. Закрытый показ. Книга стихотворений 2012–2017. – М.: Новое литературное обозрение, 2018. – 168 с.

Долго-долго – на протяжении, наверное, целой трети не слишком маленького тома – новая книга Натальи Черных кажется продолжением её недавно вышедших романов. А временами даже их конспектом, до буквальных совпадений: «*Я лишь вполне осознала, как перемещаются вещи*» – это ж прямая, прямой не бывает, аллюзия на «Неоконченную хронику перемещений одежды»¹. И посыл идентичный: «*Вещи идут к человеку. Человек без вещей слишком легок/ – его крутит метель*». Впрочем, и предыдущую книгу, «Слабые сильные»², излагавшую историю поколенческого поражения, автор иногда почти цитирует. Описанное в той книге поражение было очередным в цепочке поколенческих поражений. Таким поражением, которое с точки зрения проигравшего от победы неотличимо в принципе. Ибо служит некой то ли непостижимой, то ли не постигнутой ещё цели:

...
*«мы» больше нет.
«Нас» нет – и это божественно!
Что «нас нет» – нужно для продолжения жизни
Богу. Христу, как знаю Его.
Люди не тактильный теплый комок, а застезжки.
Пыль – о том, что Бог не наблюдает ничего,
что бы объединяло людей.*

*Пыль о том, что общности нет
и у представителей малых сообществ.
Что знала о них – то забыла.
Будь то религия, социализм
или документальное родство.*

Поражение это, вопреки своей неизбежности, болезненно для каждого из проигравших. Конечно, индивидуум, перенесший проигрыш, пытается сгладить проигрыш, а в идеале обратить его в победу. Простейший способ тут – отгородиться от мира обилием вещей, придав себе весомость и некоторую значительность. Разумеется, вещами могут оказаться не только одёжки, квартира, либо прочие материальные блага, но и художественные творения. Впрочем, творения эти потихоньку становятся «объектами интеллектуальной собственности», и в качестве таковых подлежат освоению-присвоению.

*лучше секса
музыка и кино,
они дают неоспоримое наслаждение,
без мастурбации.*

Но, повторим: вариант замыкания на себе – далеко не худший. Иногда разочарованный жизнью субъект начинает причинять добро окружающим. Порой точками

¹ Наталья Черных. Неоконченная хроника перемещений одежды. – М.: Издательство «Э», 2018. – 320 с. – (Новый русский роман).

² Наталья Черных. Слабые, сильные. Волга. 2015. № 1-2, № 3-4.

приложения сил становятся дети. Катастрофа подобного рода представлена всё в тех же «Слабых, сильных».

Есть промежуточные интересные и, вроде, безобидные варианты. Человек увлекается любимым делом, оказывая ненавязчивую пользу обществу и не обижая себя. Тут, вроде бы, всё неплохо. А для окружающих-то действительно хорошо. Только вот профессионального выгорания никто не отменял. Скажем, Катерина из одноимённого стихотворения:

*В тридцать она была хрупкой и говорила:
я умираю от красоты.
Босиком ходила по лесу, везде тусовалась,
хотела петь фолк и играть на гитаре.
Ничего не осталось. Совсем ничего.
Только салон красоты. Он хранит все её начинанья.*

*Зачем написала всё это?
Я просто жила у неё. Просто когда-то жила.*

И для лирической героини, и для её окружения всё выглядит очень пристойно. Беду может увидеть внешний наблюдатель. Поэт или посланник. Скажем, такой, из текста «Благословенье ворон»:

*Только вороны видят всё так, как задумано –
без поврежденья.
Благословенье ворон
умягчает нелепость*

В этом умягчении, в этом снятии несмысленности, вероятно, и заключён посыл. Разумеется, вестников никто не любит, стало быть, и воронам, и поэту благодарность не полагается. Но они как раз прогоняют беду, как сказано чуть дальше; без них всё закончится очень уж плохо. Гораздо хуже, чем завершается обычная проигранная жизнь.

Словом, как-то так. Ткань книги длится, несколько иначе представляя уже сказанное автором ранее. Нет, это уже само по себе не зря: всё-таки и темы представляются очень важными для Наталии Черных, и суггестивная мощь стихотворного текста выше. Тем более авторская манера весьма совпадает направленности высказываний. А, кстати, в чём заключена эта манера?

Несколько лет назад Александр Петрушкин в предисловии к антологии Озёрной поэтической школы³, куда вошли и стихи Наталии Черных, изложил пункты, объединяющие авторов направления:

«1) консерватизм в формальной стороне стихосложения, то есть использование почти исключительно механизмов регулярного стиха...»

2) наследование традиций второй литературы периода 80-х годов прошлого века, в парадигме метаметафористов.

3) Религиозное восприятие мира, в парадигме православной ветви Христианства...

4) Также я бы заострил внимание на особой технике поэзии, когда поэт пытается заглянуть на обратную сторону бытия, через тривиальные события...»

Последние два момента в отношении данной книги, кажется, особых комментариев не требуют: приведённые фрагменты вполне свидетельствуют за себя. С первыми чуть сложнее, но и там поправки носят сугубо уточняющий характер. Да, на поверхностный

³ Антология Русской Озёрной поэтической школы – сер. «Геология», Книга 1 – Евразийский журнальный портал «МЕГАЛИТ» – Кыштым, 2016 г. – 144 с.

взгляд «Закрытый показ» почти целиком состоит из верлибров. Однако, это очень специфичные верлибры. Упорядоченные и пронизанные рифмами. Самими разными – внутренними, неточными, тавтологическими, анафорическими... Смысловыми, наконец. Эти смысловые дополняют традиционную организацию стиха в нечастых рифмованных текстах. Как в «Питании на скорую руку»: «(а неплохо рифмуются столовая и Макдональдс)». Или вот расширенная и весьма показательная для избранной автором поэтики цитата из того же стихотворения:

Зачем Христу именно этот Макдональдс?

*Ему всё равно, в каком маке –
хотя и не всё равно, слышу.
Это странно представить,
но есть в том искомая свежесть:
поест в Макдаке –
всё равно что в двадцать выйти на крышу.*

Корни поэзии тоже вполне очевидны. Кроме упомянутых метаметафористов, это и концептуалисты, и другие поэты авангарда, коим автор иногда посвящает стихи напрямую. Геннадий Айги, скажем. Однако, в первую очередь, конечно, американцы бит-поколения. То самое «первая мысль – лучшая мысль». Другое дело, что любая мысль объёмлет собою все мысли, высказанные ранее. Ну, так это и битники знали, создавая свою эстетику.

Так и движется, катится хорошая книга стихотворений, заставляя подумать, сравнить, отыскать отсылки. А затем – взрыв. Стихотворение «Агрикантина», посвящённое «Н». В первой публикации посвящение было более развёрнутым, но автору виднее. Пусть будет «Н». Агрикантина это не имя, это место. В принципе, даже относительно угадываемое место. Далекое не рай, об этом сказано прямо. Даже не Сион, противостоящий Вавилону. Скорее – Дар аль-харб, «земля войны»:

*Раньше боялась Агрикантины.
Сытной, грубоватой, масляной жизни.
Пищи насыщенной, мягкого земляного упорства.
Теперь, над картонной лапшой,
в мониторе кровь и обстрел наблюдая,
без монитора видя лишь исчезающую материю,
в лучезарном и страшном, и близком, и новом,
как не посетить милую Агрикантину.
Это не сон о светлых и чистых предках и временах.
Это именно место.
Оно принимает, оно есть, там питают и денег не просят.*

Славное место из всех, что знаю.

*Смерть порой улыбается. Улыбка не так отвратительна,
если обедала в Агрикантине.*

Ещё точнее, опять-таки напрямую высказанное определение: «Агрикантина это утешение». Причём утешение специфическое: тут место, возможно, света, но уж точно не покоя. То есть не цель, каковой её представляли светлые обитатели «системы», но плацдарм для достижения этой цели. Военная терминология тут, скажем снова, вполне уместна. Есть в книге своеобразное отражение Агрикантины, водная сестра её –

Аквантина, где банковский служащий моет небольшую посуду. Там вот правда тишина и некая блёклость. А здесь нет, здесь весело и страшно. Факт, что в Агрикантине *все живы*, тоже пусть не обманывает: для многих это жизнь вечная. Хотя сие и маловажно, может быть.

Выходит, духовные силы автора и некой когорты, не *от* которой, но *о* которой Черных говорит, отнюдь не иссякли; энтропическое успокоение не пришло. Через призму этого знания и читаешь вторую половину книги. В особенности – четыре завершающие её поэмы. Кратчайшая из них, «Смерть первенцев», традиционно для Черных вобравшая массу ассоциаций, простирающихся аж до времён Гомера, вся о вопросе «за что»? Ну, явно же эти прекрасные длинноволосые, эта фараонова рать последней из генераций, выросшей в СССР, страдала за чужие грехи. Сражались за свет, не умея отличить его от тьмы. Или обманываясь природою этого света, если быть точнее и безжалостнее:

*всё
что стало грехом
в них ещё было
остатками света
елеем невинности*

Не в оправдание сказано, не в объяснение даже, но ради боевого стимула. К финалу книги крепнет ощущение, что автор более чем отчётливо понимает смысл движения к цели и саму эту цель. Только по природе своей цель такова, что сформулировать её ясно нельзя. Можно лишь приближаться по асимптоте. Как эти, все мы, загруженные и вновь входящие в автобус:

*автобус оттолкнулся и вышел в плавание
кто и сколько строил его
общий Ной
многоротый Ной
многорукий Ной*

люди

*раньше сказали бы
народ*

Тоже образ, прямо скажем, не новый. Воплощённый, в первую очередь, в западной и советской поэзии рок-н-рольных времён. Троллейбус, идущий на восток и всё такое прочее. Однако финал решает. Кто в автобусе-то? Правильно:

*(и твари,
твари,
твари)*

Сами себе спасители, сами себя губители. Голос слышим, на него идём, но вслепую же. Не от природы слепы – ослеплены. Да, есть, конечно, в книге злость. И немало. Только злость не бессильная, а спортивная. Боевая. Ну, так и христианство автора – во многом христианство не мира, но меча. И линия, направленная к исследованию основ взаимодействия с трансцендентным, будет, конечно, продолжена. Это единственное, что можно сказать о поэте Черных с приличной долей уверенности. А в остальном – очень непредсказуемым может стать развитие её творчества.

Определённый этап завершён. Всё-таки два романа и большая книга стихов позволили сказать о многом. Тем более когда вторая половина книги – явно о намеченном пути. Другое дело, что прозелитизмом автор занимается в минимальной степени. Она, скорее, очерчивает возможность сути, нежели побуждает к той сути стремиться. Стремиться не обязательно, но внимательного знакомства концепция, безусловно, заслуживает. Знакомства и уважения.